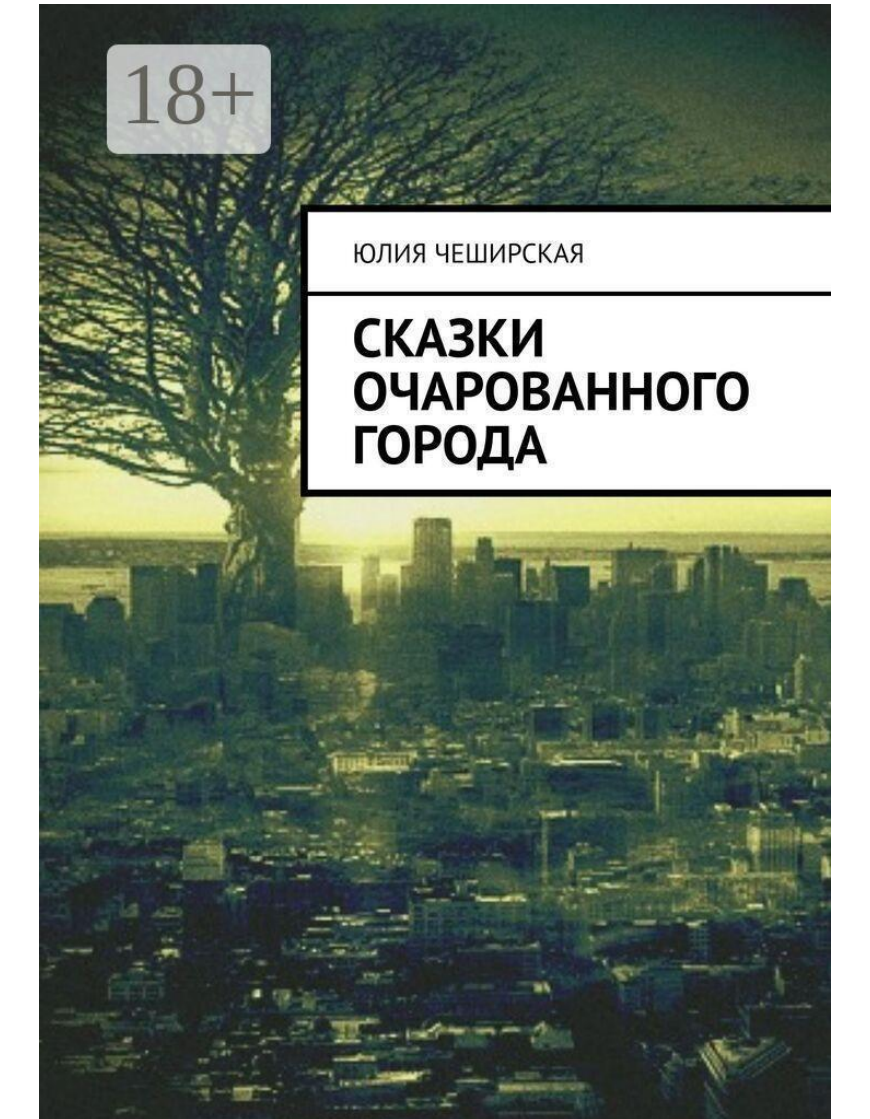

The background of the book cover is a composite image. On the left, a large, dark, leafless tree stands prominently. To its right, a city skyline is visible, with a body of water in the foreground. The overall color palette is dark and moody, with a yellowish-green tint.

18+

ЮЛИЯ ЧЕШИРСКАЯ

СКАЗКИ ОЧАРОВАННОГО ГОРОДА

Юлия Чеширская

Сказки очарованного города

<https://litres.ru/36079453>

ISBN 9785449321039

Аннотация

Знакомо ли вам чувство того, как Сказка, словно чернильные нити, пробирается в ваше сознание, и вы уже не можете отличить ее от реальности? Случалось ли вам погружаться в Сказку с головой, забывая о существовании мира вокруг нас? Не ставили ли вы под сомнение каждый шаг, боясь обнаружить, что «вокруг» не такое, каким казалось?

Если ответ на эти вопросы «нет», то Вам достаточно только взять в руки книгу рассказов «Сказки очарованного города», и ваши сны оживут, а мифы прекратят быть выдумкой.

Содержание

ЛЬВЫ	5
КЛЮЧ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сказки очарованного города

Юлия Чеширская

© Юлия Чеширская, 2026

ISBN 978-5-4493-2103-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЬВЫ

Он шел по тускнеющей улице неспеша, как бы нехотя, лучшим способом нахмутив черты лица и пиная носком ботинка камешек, выуженный превратностями судьбы из придорожной канавы. Судьба любит пинать придорожные камни. Как, впрочем, не только их.

Улицы были почти пустынные — развлекательные центры, магазины и офисы уже закрыты, а чего же помимо нормальному человеку может понадобиться вдалеке от родного гнезда, вдалеке от сопровождающих его средств по усыплению беспокойства, волнения, мыслей. В тёмное время суток.

По началу, он принял звук за продукт жизнедеятельности никогда не спящей центральной улицы, на которую привели его камешек и тротуар. Сочетание машин, рекламных сюжетов по радио, музыки. Прочей муравьиной возни, которую так любят называть жизнью большого города. Но это... Островок чего-то, выходящего из ряда вон, посреди нисходящих сумерек повседневности. На самом-то деле, всё это — тоже часть повседневности. Иначе не случилось бы где-нибудь каждый день. Так?

Провожая глазами печально покотившийся волею судьбы под колёса автомобилей камешек, он спросил:

— Почему ты реवेशь?

— Я не реву, — девчушка насупилась и поскорее вытерла

нос, красный и распухший от слёз, — Я Шери.

Губа её снова предательски задрожала...

— Ты ревёшь. Но если хочешь, я пройду тут заново, и ты будешь Шери.

Похоже, эта идея пришлась ей по душе, и малышка, забыв о слезах, с энтузиазмом закивала головой. Про себя ему стало даже интересно, с насколько большей силой надо трясти, чтобы голова отвалилась. Он чувствовал, что занимается несусветной ерундой, когда второй раз проходил от начала квартала мимо пустых, как соты без мёда, прилавков крытого торгового павильона.

До конца не дождавшись его, девчушка выпалила:

— Я Шери!

Он вздохнул. Совершенно логично, словно подтверждая его теорию о досуге нормального человечества, она спросила:

— Почему ты не дома? Уже темно.

— У меня нет дома.

— Где же ты живёшь? — удивилась Шери. Шери. От чего это производное? Шерил? Шарлотта? Шер... Черт с ним.

— В клетке. Большой каменной клетке, — ответил он, вглядываясь в номерной знак проезжающей мимо машины. «Г117РР».

— Ты, что же львёнок?

Иронично.

Но это ему понравилось. С усмешкой он согласился:

— Большой, сердитый, уставший лев. Не думаю, что смог бы поймать антилопу, если бы меня выпустили.

Он подумал о воротничках белых блузок, раскосых глазах, подведённых черным, и аккуратных ножках в тёмных колготках.

— У меня есть такая игра, в которой львы едят тыквы. Их не надо ловить.

— Какие ещё тыквы? Что это тогда за львы? Они тебе не суслики.

— А кто такие сусики?

— Пушистые таксы с длинными зубами, — ответил он саркастически, обнажая зубы. Почти пугающе. Возможно, он даже хотел напугать её, чтобы диалог перестал быть таким... пугающе дружелюбным. Он не знал точно, едят ли суслики тыквы. Вообще слабо представлял, кто ест тыквы в дикой природе, но суслики весьма неплохо подходили на эту роль. Он редко объяснял себе причины своих поступков, не любил тратить время на что-либо, что ему не нравилось и ужасно любил заниматься ерундой, за неимением большого количества других вещей, которые нравились бы ему. То, что сейчас происходило, весьма неплохо подходило под определение «ерунда».

Отчего-то, она не пугалась. Должно быть, была ещё слишком мала.

— Нет. Мои львы — не сусики. Они волшебные. И рычат, и золотистые. И ещё они едят тыквы.

Едва заметно уголок его рта взметнулся вверх по косой линии.

— А я, может быть, не хочу есть тыквы.

— А что — хочешь?

Ответ уже был готов сорваться с его языка, но внезапно сам, по своей сути сорвался. Ответ был таким очевидным до автоматизма, что переставал быть настоящим ответом. Хотел ли он, как любой другой олень, антилопу? Кокетливый стук каблучков, чёрные папки, острые, как улыбки, трубчатые рога... Хах. Никогда.

Вдруг — ещё одно заурядное происшествие из разряда необычного — появилась пушистая мама девчушки с рыжими волосами. Пышными, густыми, с золотистым отливом. Шери на седьмом небе. Слезы. Сопли. Объятыя. Бла, бла и бла. Ему было однозначно пора идти.

Разворачивая корпус в сторону, противоположную Шери с её львиной мамочкой, он услышал детский голос:

— Ты куда, лев?

— Что, хочешь собрать себе целый прайд? — спросил он, кинув насмешливый взгляд на волосы девушки, оказавшейся рядом с Шери.

— Ррр-а-хха-ха, — со смехом, переходящим на визг, Шери перекочевала с земли на руки девушки, имевшей тонко подмеченное сходство со львицей. Она была удивительно молода для мамочки. Глаза поймали взгляд её бойких, спокойных, пронизательных глаз.

— Не надоедай людям, Шери. Ты, львёнок, умеешь найти проблемы! — грозно сказала она, сражаясь с улыбкой и продолжая щекотать девочку, — Ты знаешь, что в джунглях тебя бы уже давным-давно съели?

— Разве её не защитил бы ваш папа-лев? — озадаченно спросил он, бессознательно, по инерции шагая вдоль улицы наравне с ними.

Девушка отвлеклась от Шери.

— Наш папа-лев... Оказался папой-шакалом. Он сбежал, — ответила она, не меняя, в отличие от выражения праведного гнева для лица, настойчивого, мелодичного, тона для голоса, словно бы бросающего вызов чему-то между строк. Таким же она могла бы предложить ему сыграть в шахматы, зная, что играет лучше него.

Львица поставила Шери на землю.

— С дамами-антилопами мне тоже никогда не везло, — подумав, он решил ответить откровенностью на откровенность, — Они слишком нежные. И всегда убегают.

— Может, антилопы были недостаточными для льва? — предположила девушка.

— А может, лев был слишком для антилоп.

— Ты же хотел их съесть, — озабоченно пискнула Шери, справа нападая на его ногу.

— Да не хотел я их есть. Но они не очень об этом знали.

— А тыквы?

— И тыквы не хотел.

— Чего же тогда хотел? Умереть с голоду? — засмеялась взрослая львица.

— Не знаю, — упрямо фыркнув, чтобы спрятать улыбку, он посмотрел на звёзды. Разговор что с одной, что с обеими, что с самим собой неизбежно приводил к этому вопросу.

С минуту они молча шли, сопровождаемые лишь неуклюжей вознёй Шери-львёнка, которая освободилась из кольца материнских лап. Девчушка таранила ладонью в фиолетовой варежке сосульки, что образовались на козырьках нижнего ряда окон жилых домов.

— Я знаю, — искорки тихого веселья вдруг зажглись в глазах взрослой львицы, — Я знаю, что любят львы. Они точно любят ромашковый чай. Верно, львёнок?

— Дааа! — оповестила не менее чем район мокрая из-за талой воды Шери.

— Не знаю, — он повёл плечами, — Никогда не пробовал ромашковый чай отдельно от бурбона.

— Я предпочитаю не отделять его от белого вина. Но, мне кажется, с этим можно сделать что-то. Мир зимы не кончается на глинтвейне.

— Я нарисую тебе усы! — Шери всеми десятью пальцами изобразила нечто, смахивающее на щупальца морды кро-та, — У меня есть много фломастеров.

— Никаких фломастеров. Мне завтра на работу.

— Не недооценивай богатства Львиного Прайда, — гордо заявила львица, — У меня есть ацетон.

— Это работает?

— Не знаю. Я никогда не пробовала, — она засмеялась, обрекая на провал все его попытки сдержать улыбку.

Он не знал, любили ли, в самом деле, львы ромашковый чай. Но, похоже, он точно знал, что сам его, непременно полюбит.

Шерали — имя персидского, казахского и арабского происхождения. В переводе означает «Великий лев».

КЛЮЧ

— Эй, куда, а ну стойте! А ну стоять, кому сказано! — грозным голосом окликал их старый завхоз, продолжая упрямо бежать следом уже второй квартал, — Вот скажу директору, мало вам не покажется. А ну стой, лови их!

Самым забавным здесь было то, что этот завхоз и их настоящий директор не были даже представителями рабочего персонала одной школы, а потому угроза злобного дяденьки изначально была ужасно бесперспективна. Но дело в том, что когда ты завхоз и уже в который раз обнаруживаешь на крышей своей родной и любимой обители знаний неизвестных тебе подростков до кошмарного криминальной наружности (на одном порваны кеды, на другом порваны джинсы, а на третьем всё цело, но надеты солнечные очки), а они всё тянутся туда, будто им там мёдом намазано, ты наверняка рассердишься, потому что так положено поступить в такой ситуации. Ведь не станешь же ты выяснять, для чего им упрямо таскаться на крышу школы, несмотря на солидную необычность в выборе пристанища юного криминала.

— Ух, настырный же тип! — пропыхтел на бегу Парень-Рваные-Кеды, озираясь на бегущего позади завхоза и присоединившуюся к нему по пути пару полицейских.

— О, ты, наверное, умаялся? — светским тоном осведомился Рваные Джинсы.

— Такими темпами даже в случае чуда, если б вы молчали, к примеру, он нас скоро догонит, — а Очки пребывал, как всегда, в эмоционально сумрачном настроении.

— Быть не может, он рискует стать первым в истории этой Галактики. Может, он совсем не завхоз, а колдун, но шифруется, чтобы спастись от армии ищущих его демонов? — выдвинул предположение Джинсы.

Кеды тоже не отставал от темы:

— Не забудь спросить, когда он тебя схватит.

— Эй, сюда, неудачники! — вдруг откуда-то сбоку открылась подъездная дверь, и оттуда появилось лицо девушки с голубыми волосами. Откровенно говоря, голубыми были только крайние передние пряди, но именно они и дали имя всему украшенному ими существу.

— Мы раз в жизни слышали тебя верно с первого раза, лови момент, — выдохнул Джинсы и первым скользнул в подъезд. Два других его спутника не заставили себя долго ждать, и дверь, не умевшая запираться, всё ещё болталась на петлях, когда они четверо рысью считали крутые ступеньки. На последнем пролёте, пятый этаж, когда все из них поравнялись с теперешней провожатой и остановились перед тяжелым люком в стене, что она уже открывала, перед тем, как впустить беглецов на дорогу к спасению, девушка вдруг остановилась в пол оборота и, усмехнувшись, шепнула:

— Каждый раз. Всегда слышишь с первого раза. Ты, ты и ты, — а затем резко навалилась на дверцу и распахнула её

внутри перехода.

Она забралась в недра люка первой, Кеды, имея должность наиболее ответственного, ждал, пока пройдут остальные, чтобы закрыть проход. Внизу раздался скрип распахнувшейся двери подъезда, и голос завхоза всё так же грозно и неубедительно воскликнул «Стой!»... Но круглая дверца захлопнулась, металл прилегал к металлическому ободку плотно, будто влитой — кульминация! — и они уже далеко.

Переходы были, на деле, давним устройством, знакомым всем ребятам уличных кланов уже не один десяток лет. Возможно, в них скрывались от погони ещё ваши собственные родители, может быть, проводили в них сверхсекретные собрания и устраивали тайники для хранения особенно важной информации. А возможно, ваши родители целый день сидели дома и вышивали крестиком, этого нам, конечно, знать не дано... Но эти четверо бежали, и бежали так, будто сейчас от этого зависела их лишенная крестиков жизнь.

Старые дома рядом нахохлившихся наседок-пятиэтажек выстроились вдоль узкой дороги с трещинами на тротуарах. Именно сквозь такие трещины должна прорасти трава, чтобы выглядеть эстетично, чтобы выглядеть исключительно и именно самой собой... Точно так же обстояло дело с домами: они не были бы собой без совсем не заметных обывочному глазу трещинок тайны.

Все куры сидят на жердочках, это, без сомнений, понятно, но вот на чём сидят куроподобные дома, расставленные по

своим местам человеком, разумеется, понятно не всем. Особенно же непонятно тем, кто никогда не залазил выше чердака хохлатых пятиэтажек. Даже изменившие скучной привычке не-влезать-ни-во-что-необычное счастливчики, побывавшие на своём чердаке, были уверены в том, что те самые чердаки — это верх не только их мироздания, но и самый верх конструкции дома, потому что даже потолок этих чердаков сделан был острым коньком, как бывает у скатов крыш. Им и в голову не приходило, что коньков у крыши может быть два, да и зачем, ведь порой самим хранителям этого секрета сей аспект не был понятен. Но они едва ли заботились об этом. Переходы были лишь малой частью Тайны; кроме того, дома-курицы на жердочках на проверку оказывались лишь перепёлками, нанизанными на шомпол сквозь соединённые вместе балками крыши домов, и это занимало юных клановых гораздо больше.

Центральная балка, скреплявшая вместе концы двух скатов (к слову, вы когда-нибудь замечали, что крыши высотных домов плоские, а не сделанные коньком, наподобие домов частных? Каждый догадывается об этом, но ведь, будь у вас чердак, вы бы не увидели ничего странного в крыше коньком, даже если снаружи она гораздо более плоская и напоминает трапецию) была не более полуметра в ширину, к тому же передвигаться по ней требовалось быстро и тихо. Четверо ребят ухитрялись спустя годы практики сочетать скорость и бесшумность достаточно эффективно. Особенно

же преуспела Девушка с голубыми волосами, голубыми у которых были только крайние пряди, потому что она практически всё время обитала в переходах, увлечённая Поиском в разы больше. Это в ней вселяло в клановых особое уважение.

Если бы вы оказались здесь в первый раз, вы давно потеряли бы уже счёт пройденным переходами крышам, но они совсем скоро остановились, узнав ту самую. Джинсы вычислили место открывания ещё одного люка и, распахнув его, спустил вниз верёвочную лестницу. Она, потемневшая от дождей, крепилась за башенку от, возможно, отопительно-вентиляционной системы (она нагревалась, и из неё дуло). Выбравшись наверх, все четверо улыбнулись по-своему и завалились на спины, тяжело дыша.

Солнце светило им прямо в глаза, пересекаемое тёмными ветками близстоящих деревьев. Парню в джинсах оно казалось особенно сверкающим и ярким, в кустах чирикали воробьи, а где-то в космосе, наверное, в миллионах тысяч световых лет отсюда точно такое же Солнце взрывалось, став Красным Гигантом, а ещё где-то лежал ключ от Двери с заглавной буквы «Д», а на этой крыше лежали они, и Джинсы знал, им всем тоже казалось, что всё это происходит так близко...

— Ну что? — спросила девушка. Она лежала, запрокинув голову назад, а ноги закинув друг на друга, и закрывала то один, то другой глаз, чтобы следить, как поменяется от этого угол обзора на нависшую над ней ветку.

— Что... Опять попались, — достаточно весело сообщил Очки. У него вообще было не много режимов работы, одним из них являлся вечный сумрак, а другим — веселье, не слишком мощное, но граничившее с маниакальным, отчего общение с ним становилось особенно интересным.

— Это я заметила, три девицы без окна. Вы тайник нашли?

— Неа... — выдохнул Кеды.

— Но зато завхоз — колдун, — радостно сообщил Джинсы.

— Почему я не удивлена? — девушка встала и взобралась на отопительно-вентиляционную башенку. Она подняла глаза к небу, голубому, как крайние пряди её волос, и стала следить за полётом стрижей высоко-высоко. Весь смысл в стрижах. Везёт им, она думала, они знают, чего хотят, знают, зачем живут: вылупляются, учатся летать, строят гнездо, находят пару и выводят птенцов, а затем умирают, и у них не возникает вопроса: а зачем? Почему и для чего даны им именно крылья, где кончается небо, жжется ли солнце, если к нему прикоснуться, и что будет, если не улететь зимой вместе со всеми на Юг... Потому что им кажется, будто они знают ответы. Они не хотят, нет, не могут знать другой, слишком сложной для них правды. Интересно, а могла бы птица покрасить пёрышки в голубой?

— Как глава клана Крылатых, официально нарекаю вас...

—

— *Пиийп*, понизив до шепота голос, поработал цензурой Джинсовый парень.

— ... официально нарекаю каждого из вас вполне цензурным именем «серенький козлик», — она послала убийственную улыбочку Джинсам.

— Так не честно, — фыркнул тот.

Девушка снова отвернулась от них.

— Слушай, не дуйся.

— Мы честно старались.

Оба: и Очки, и Кеды — не выглядели уверенными в том, что их слова хоть сколько-нибудь убедят её. Но всё же Кеды решил продолжить:

— Мне кажется, едва ли мы там что-нибудь найдём. Зато однажды этот завхоз (— Колдун!!! — донесся голос от края крыши) устроит нам настоящую засаду.

— С ружьями и винтовками, — добавил Очки.

— Дымовыми шашками и гранатами! — чтобы сказать это, Джинсы снова подошёл ближе к башенке, так как успел уже отойти с целью чуть не упасть с края крыши. Впрочем, он так часто это проделывал, что подобное давно никого не беспокоило. Не падение, попытки, разумеется, поэтому Голубые волосы самым краем глаза следила за ним, так, что никто этого даже не замечал, а Кеды совершенно откровенно выглядел так, будто готов был бы сходу сцапать Джинсового за шкурку и уволочь подальше от края, будь на то его воля. Что же до Очков, втайне он бы сам был не прочь вместе с

Джинсовым попадать с крыши, но на то он и был в очках, чтоб никто об этом не догадался. Он вообще не был уверен, был бы ли Джинсы рад, если б он захотел спасти его, к примеру, а потому, как всегда, занимал вооружённый нейтралитет.

Девушка перестала следить за птицами. Она резко спрыгнула с башенки, целясь прямо на парня в кедах, и, приземлившись в паре сантиметров перед ним, сказала, хватая за воротник рубашки:

— Даже если есть крохотный, крохотный шанс, что он там, мы должны искать, понятно? Если мне придётся идти самой, я пойду и сейчас же! — осознав, что она, возможно, слишком резко обошлась с Кедами, а именно он заслуживал этого меньше кого бы то ни было и вот уж точно меньше Джинсов, она отпустила его рубашку и тихо сказала, отходя к краю крыши:

— Вы ничего не обязаны делать. Но я не брошу.

— Знаем. Но мы ищем там уже месяц, — резонно заметил Очки.

— Значит, будем искать два, — она подняла камешек с покрытой шифером крыши и швырнула им в Джинсы.

— Эй, за что?!

— Прекрати пытаться упасть. Я тоже хочу, и это отвлекает.

— Я вам попадаю! — возмутился Кеды.

— Спокойно, милый, тебя я тоже научу, — заявил Джин-

сы, и Очки добавил, коварно ухмыляясь:

— Это не сложно, — так, как будто уже придумал, как именно будет происходить такое действие.

— Эй. Мы вовсе не собирались отступить, — Кеды сменил тон, зная, что для Девушки с голубыми волосами не было ничего важнее. Сейчас и всегда, — Но, может быть, что-то не так в расчетах? Может быть, мы просто ошиблись крышей. Или школой?

— Ты слишком оптимистичен, — вид Очков говорил: «Хочешь, сбрось меня с крыши, но это то, что я скажу», — Уже пес знает, сколько лет никто не может найти этот Ключ, почему ты думаешь, что найдёшь его? Мы вечно молчим об этом, но даже таким подходом реальности не изменишь.

— Я не думаю. Я *знаю*, что найду его, — голубоволосая оглянулась через плечо, и этот вид говорил: «Ну, давай, попытайся сбросить меня с крыши», и ни у кого не возникало сомнений в том, насколько это у кого-либо выйдет.

— Она была первой, кто нашёл Послание. Сколько лет существуют четыре клана, и все, все соревновались в Поиске, но до нас никто уже кот знает, сколько лет ничего не находил, — сказал Джинсы. — *Она* найдёт Ключ.

— Если только кто-нибудь вообще его найдет, — дойдя до стадии, максимально близкой к согласию из возможных, проговорил Очки. Он всё ещё не отвёл из-под тёмных стёкол взгляда от глаз Главы клана Крылатых. Она тоже не отводила взгляд.

Кеды смотрел на них и понимал, что всё это давно уже стало для него слишком привычным, чтобы вызывать беспокойство, хотя он и беспокоился всегда, просто на всякий случай. Потому что среди этих голубоволосых, сереньких и не очень сереньких козликов беспокоиться о других больше было некому. Глядя на них, на эту крышу, небо и солнце, на Главу Клана, он осознавал, что здесь каждый из них не только часть клана, но, по-своему, немного часть и Глава целого мира, оттого как они слились в этом Поиске. Пускай каждый и искал совершенно отличную от других вещь. Он живой кинолентой видел историю, уходящую корнями в столетия; четыре клана без конца стремились найти Ключ — загадочное явление, нужное для того, чтобы открыть капсулу Времени. Сообщение чего-то, чего-то очень важного. Или не важного совсем. Она хранилась в городе и была когда-то заложена под печать самими его Основателями. Вместе с капсулой они создали эти порядки, игру, безо всякого принуждения заставляя подростков каждого поколения вновь и вновь, сменяя друг друга, искать, заведовать лабиринтами Переходов, скатами городских крыш, а затем, разочаровавшись поражением, вырастать, передавать эстафету другим и забывать об этом, как о и многих других «детских штучках», не имеющих иных оснований, кроме как «проделки юношеских гормонов». Были и те чудачки, кто не оставлял Поиска до конца своих дней, находились сумасшедшие историки, собирались консилиумы из важных шишек в костюмах, после чего был

однажды вынесен окончательный вердикт: Ключа нет, капсулу когда-нибудь можно будет открыть мощным взрывом, и придумана эта глупая шутка только на забаву детишкам. Капсула — исторический памятник, что однажды откроют, уничтожив, когда появится безопасная технология. Но только не для неё.

Только не для девушки с голубыми волосами, голубыми у которых были лишь крайние пряди, Главы клана Крылатых, чья жизнь, потеряв в одночасье иные смыслы, превратилась в Поиск Ключа. Она ощущала это превращение так, как, скорее всего ощущает себя сера бенгальского огня, когда превращается в разноцветные искры. Бенгальский огонь. В конце он сгорает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.